

А.Шубрин

ТОЛКОВАНИЕ СТИХОВ НАГОРНОЙ проповеди И.БРОДСКИМ

Я зачитаю перевод речи Иосифа Бродского, с которой он выступил в 1984 году на выпускном вечере в Уильямс Колледж, а затем ее прокомментирую с точки зрения наших культурных традиций.

.....

Дамы и господа выпускка 1984!

Независимо от отваги и осторожности, которые вы проявите, в течение вашей жизни вы непременно вступите в прямое физическое соприкосновение с тем, что называется Злом. Я имею в виду не принадлежность готического романа, но, если не сказать больше, осязаемую общественную реальность, которую вы никоим образом не можете контролировать. Никакое обилие добродушия или хитрых расчетов не предотвратит эту встречу. Действительно, чем расчетливее, чем более осторожны вы будете, тем более вероятна встреча, тем тяжелей последствия. Жизнь так устроена, что то, что мы понимаем под Злом, прекрасно умеет быть вездесущим, уже потому хотя бы, что оно стремится явиться в одеяныи добра. Оно не войдет к вам в дверь, спасая с порога: "Привет, я - Зло!". Что, конечно, указывает на вторичность его натуры, но утешение, которое можно вынести из этого наблюдения, тускнеет из-за его заурядности.

Поэтому, осторожности ради, следовало бы подвергнуть свои понятия о добре самому тщательному пересмотру, - пройтись, так сказать, по всему своему гардеробу, проверяя, что из одежд может пойти чужому. Это, конечно, может занять все силы, и видимо не напрасно. Вас удивит количество тех вещей, которые вы считали хорошими и своими, и которые так легко, почти без переделок, будут впору врагу. Вам, быть может, даже начнет казаться, что он - это вы в зеркале; ибо самое примечательное, что Зло -

весь насквозь человеческая. Говоря мягко, ничто не может быть сношено и вывернуто наизнанку с большей легкостью, чем наши понятия об общественной справедливости, совести гражданина, лучшем будущем и т.д.. Один из вернейших признаков наступающей опасности — число лиц, разделяющих ваши взгляды, — не столько из-за того, что единодушие имеет свойство вырождаться в однобразие, сколько из-за большой вероятности, — заложенной в больших числах, — что благородное настроение подтасовано.

В то же время, вернейшая защита от Зла есть крайний индивидуализм, оригинальность мышления, причудливость, даже, — если желаете, — эксцентричность. Т.е. нечто, что не может быть сделано, подготовлено, сыграно, — нечто, с чем и опытный лишенер не может быть счастлив. Нечто, иными словами, что нельзя ни с кем разделить, как самое кожу, — ни с каким меньшинством. Зло линяет к солидности. Оно всегда идет за большими числами, за гранитной уверенностью, за идеологической чистотой, за вымуштрованными армиями и выверенными расчетами. Его склонность к таким вещам связана, очевидно, с прошедшей неуверенностью в себе, но, снять-таки, понимание этого — слабое утешение, когда Зло торжествует.

А оно торжествует: во многих частях планеты и внутри нас. При такой широте и силе и, особенно, при усталости тех, кто сопротивляется Злу, оно может рассматриваться не как этическое понятие, но как физическое явление, не измеряемое уже частичами, но спланированное географически. И я говорю вам все это не потому, что вы молоды и чисты, и ваши биографии безупречны. Нет, биографии безнадежно черни, и трудно поверить в вашу способность или желание их очистить. Смысл моей речи лишь в том, чтобы предложить вам способ сопротивления, который, быть может, вам когда-нибудь пригодится; способ, который даст вам возможность выйти из столкновения со Злом в меньшей степени загрязненным, хотя и не более торжествующими, чем были вами предшественники. Я имею в виду, конечно, известный прием подставления другой щеки.

Предполагаю, что так или иначе, вы слышали, как толкуют этот стих из Нагорной проповеди Иисуса Христова, Махатма Ганди, Мартина Лютера Кинга-младшего и многие другие. Предполагаю, другими словами, что вы знакомы с понятием ненасильственного /пассивного-

го/ противления, главный принцип которого - на зло отвечать добром, т.е. не возвращать тем же. То, что сегодня мир есть то, что он есть, говорит, по меньшей мере, о том, что этот принцип отнюдь не пользуется благоволением человечества. Причин его непопулярности две. Во-первых, что нужно для приведения этой идеи в действие, так это минимум демократии. А это именно то, чего лишены 86 процентов нашей планеты. Во-вторых, здравый смысл говорит о том, что единственный выигрыш жертвы, которая подставляет другую щеку, а не отвечает тем же, в лучшем случае - моральное пре восходство, т.е. нечто нематериальное. Естественное не желание подставлять под удар еще одну часть своего тела оправдано подозрением, что подобное поведение лишь возбудит и усилит Зло; что противник может увидеть в вашей моральной победе свою безнаказанность.

Есть и другие, более веские основания для подозрений. Если первый удар не вышиб весь ум из головы жертвы, она поймет, может быть, что подставить другую щеку - значит манипулировать чувством вины обидчика, не говоря уже о его карме. Моральная победа, поэтому, не может, в конце концов, быть такой уж моральной, - не только потому, что страдание часто имеет нарцисстический привкус, но также и потому, что жертва оказывается выше, т.е. лучше, чем её враг. Тогда как, независимо от того, насколько порочен ваш враг, главное, ~~шишшиш~~ все-таки то, что он - человек; и хотя мы и не способны любить других, как самих себя, мы все-таки знаем, что зло прорастает там, где один человек начинает считать себя лучше другого. /Поэтому вас когда-то и ударили по правой щеке./ Поэтому лучшее, чего можно добиться, подставляя другую щеку, - удовлетворение от того, что вы предупредили врага о тщетности его действий. "Смотри, - говорит другая щека, - то, по чему ты бьешь, - это всего лишь плоть. Это - не я. Ты не можешь сокрушить мою душу." Трудность такого взгляда на вещи конечно в том, что враг может принять просто ваш вызов.

Двадцать лет назад во дворе одной из многочисленных тюрем на русском севере разыгралась такая сцена. В семь утра дверь камеры распахнулась: на пороге появился охранник, обратившийся к ее обитателям так: "Граждане! Коллектив тюремной охраны вы-

зывает вас, заключенные, на социалистическое соревнование по рубке дров, сложенных во дворе. В тех краях нет центрального отопления, и местная полиция взимает со всех лессаготовительных пунктов в окруже своеобразный налог в размере одной десятой их выработки. К тому времени, о котором я говорю, двор тюрьмы был похож на настоящий склад леса: штабеля были уложены в двадцать этажа, скрадывая одноэтажный квадрат самого тюремного здания. Необходимость порубки была несомненна, хотя социалистические соревнования такого рода случались и прежде. "А что, если я откажусь принять в этом участие?", — поинтересовался один из заключенных. "Что ж, в таком случае не получишь еды", — ответил охранник.

Заключенные выдали топоры, и работа пошла. И осужденные, и охраники вкалывали вовсю, так что к полудню все, особенно недоедавшие всегда заки, выдохлись. Объявлен был перерыв, и все сели есть, — кроме парня, который задал вопрос. Этот продолжал орудовать топором. Заключенные и солдаты перешучивались на его счет, — что-то насчет евреев, которые всегда считались людьми неглупыми, тогда как этот... и т.д. После обеда все вернулись к работе, хотя и сбавили темп. К четырем часам охрана, для которой это был конец смены, закончила. Чуть позже прекратили работу заки. Только топор того чудака еще мелькал в воздухе. Несколько раз обе стороны советовали ему остановиться, однако он не обращал на это внимания. Казалось, он нашел некий ритм, который не хотел потерять. А может быть, это ритм овладел им?

Внешне он смотрелся как автомат. К шести и к семи часам топор по-прежнему двигался вверх и вниз. И охрана, и заключенные теперь следили за ним внимательно, и язвительное выражение на их лицах сменилось спортивной растерянностью, а затем — удасом. В семь-тридцать парень остановился, дошел, шатаясь, до своей камеры и лег спать. За время, оставшееся ему в тюрьме, никаких призывов к социалистическому соревнованию между охраной и заключенными больше не обрывалось, хотя дрова продолжали скапливаться.

Я полагаю, что этот парень смог совершить такое, — двенадцать часов непрерывной работы, — потому, что был очень молод.

А точнее, тогда ему было двадцать четыре. Немногим больше, чем вам сейчас. И все же, я думаю, его посвящение в тот день связано еще с чем-то. Вполне возможно, что молодой человек, — именно потому, что был молод, — помнил слова из Нагорной проповеди лучше, чем Ганди или Толстой. И так как Сын Человеческий обыкновенно изъяснялся триадами, молодой человек мог вспомнить, что относящийся к делу стих не ограничивается словами:

"Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему левую и другую," а продолжается, не отделяясь ни занятой, ни точкой:

И кто захочет судиться с тобой и взять твою рубашку,
отдай ему и верхнюю одежду.

И кто примудрит тебя идти с ним /одно поприще,
иди с ним два.

Приведенные полностью эти строки имеют, по правде сказать, мало общего с пассивом, ненасильственным противлением, — с принципом не сведения счетов или платы добром на зло. Смысл этих строк — все, что угодно, но не пассивность, ибо они подсказывают, что зло доводится до абсурда через избыток. Они предполагают, что зло оказывается абсурдом, когда его притязания скрываются безоговорочностью согласия, которое обесценивает ущерб. Такой поворот делает позицию жертвы чрезвычайно активной, — ставит ее в положение умственного агрессора. Победа, которая здесь возможна, — не нравственная, а экзистенциальная. Другая щека пробуждает не чувство вины врага /с которым он может прекрасно справиться/, но ставит все его чувства, качества и способности перед бессмыслицей затен, — так же, как это делает всякое массовое издание.

Позвольте напомнить, что мы сейчас говорим не о тех моментах, в которых есть место для честной схватки. Мы говорим здесь о ситуациях, когда вы сразу оказываетесь в безнадежно проигрышной позиции, — когда нет надежды отбиться, и шансы все против вас. Иными словами, мы говорим об очень темных минутах в жизни, когда враг зашел слишком далеко, чтобы чувствовать стыд или боль из-за утраченной совестливости; когда в вашем распоряжении только ваше лицо, рубашка, верхнее платье и пару ног, способных еще пройти поприще или два.

В этом случае нет простора для тактического маневра. Итак, подстановье другой щеки должно быть вашим сознательным, хладнокровным и выношенным решением. Ваши шансы на выигрыш, как бы неутешительны они были, зависят целиком от того, сознаете вы, или нет, что делаете. Поворачивая свое лицо щекой по направлению к врагу, вы должны понимать, что это только начало вашего послушания /так же, как и стиха/, и вы должны быть способны приложить к себе всю последовательность, все три стиха из Нагорной проповеди. В противном случае, строка, изъятая из контекста, оставит вас изуродованными.

Основывать нравственность на неправильно процитированном стихе – значит играть с судьбой, или же кончить тем, что сдаться умственным буржуа, наслаждающимся пределом комфорта – удобством собственных убеждений. В обоих случаях /из которых последний, с его участием в движениях доброй воли и в бесприбыльных предприятиях, наименее привлекателен/, мы сдаем позиции Злу, отложив постижение его слабости. Ибо Зло, я позволю себе напомнить, явление человеческое, не больше.

Нравственность, основанная на этом, ошибочно процитированном стихе, не изменила ничего в Индии после Ганди, – кроме цвета кожи ее начальства. С точки зрения голодного человека, однако, все равно, кто оставил его голодным. Смею думать, что он даже предпочтет, чтобы ответственным за его илачевное состояние был белый, уже потому хотя бы, что социальное зло покажется в этом случае припешшим откуда-нибудь извне и, может быть, не таким сильным, как страдание под пятой себе подобных. Когда в ответе чужак, еще есть место надежде или мечте.

Подобно тому, в России нравственность, основанная на этом недоцитированном стихе, в огромной степени подорвала решимость народа противостоять полицейскому государству. Что за этим последовало, известно достаточно хорошо: шестьдесят лет подстановья другой щеки превратили лицо народа в один огромный синяк, и государство сегодня, устав от собственного насилия, просто в это лицо плвет. А также и в лицо всего мира. Другими словами, если вам хочется секуляризовать христианство, если вам хочется перевести ученье Христа на язык политики, вы нуждаетесь в чем-то большем, чем современная политическая жестокуляция;

вам нужен подлинный текст, — по крайней мере, в уме, если вы не нашли ему места в сердце. Ибо Он был не столько добродельным человеком, сколько Духом Святым; поэтому роковая ошибка — платить дань Его доброте за счет Его метафизики.

Я должен признаться, что чувствую некоторую неловкость, говоря об этих вещах. Ибо, в конце концов, подставлять ли другую щёку, — дело сугубо личное. Встреча всегда случается "с глазу на глаз". Это всегда ваша кожа, ваши рубашки, платье и ваши члены, которым придется проделать путь. Советовать, не говоря уж — наставлять кого-либо, как использовать его собственность, не то что совсем неверно, — нескромно. Мне бы хотелось только излечить из ваших душ кийче, которое навредило многим, а дало так мало. Я также хотел бы вселить в вас мысль, что пока у вас есть еще кожа, рубашка, платье и члены тела, вы до конца не побеждены, каковы бы ни были шансы.

Тем не менее, есть причины более веские, по которым испытываешь неловкость, говоря о таких вещах публично. И не только естественность вашей собственной нескоты относиться к самим себе как к вероятным жертвам. Нет, скорее благородство, которое заставляет и среди вас предвидеть будущих негодяев. А это дурная стратегия — разглашать приемы сопротивления перед потенциальным врагом. Что, однако, может быть снимет упрек в измене, или, что еще хуже, в переносе тактической обстановки в будущее, так это надежда на то, что у жертвы всегда будет больше выдумки, больше оригинальности мысли, больше затейливости, чем у злодея. Отсюда и шанс, что жертва сможет торжествовать.

.....

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В русской литературе проповедническая активность писателя, вторжение его мысли в сферы, зарезервированные цивилизацией для политики, религии, философии, есть черта устоявшаяся. Из предшественников Бродского в его споре с Толстым можно упомянуть Леонтьева, Соловьева, Ленина.... Что нового вносит Бродский в разговор о природе Зла, начатый до него, — разговор, который ведется в русской культуре и до сих пор, принимая подчас причудливые, а подчас и странные формы? Стоит вспомнить истоки, нравственные и исторические, этого, не закрытого еще, спора.

В интеллигентском сознании к началу этого века можно выделить два подхода к проблеме добра и зла, которые, как две крайности, эту проблему определяют. Один, воплощением которого явилось у нас толстовство, основывается на представлении о том, что граница между добром и злом проходит всегда внутри, а не вне души отдельного человека. Для многих моих знакомых такой подход и является единственным христианским, — особенно по контрасту со школьной марксистской догмой. Проведенный во всей своей чистоте, этот взгляд приводит к тому, что всё существование человека, физическое и нравственное, подчиняется без остатка делу борьбы с духовным /и только с духовным/ злом, — со злом, так сказать, в себе. Такой духовный мономахизм, сформировавшийся в Византии как нравственный код исчезнувших монашества, есть, в своем идеале, путь аскезы и подвига. Его обмирщение, орощение и снижение, порою карикатурное, происходит в идее нравственного усовершенствования себя, проповедованной Толстым.

Другая, противоположная точка зрения, могла бы быть названа чисто западной, если бы ее не придерживался такой православный русский мыслитель, как Соловьев. В "Трех разговорах", своей последней работе, он утверждает: зло не просто болезнь, отсутствие, так сказать, "негатив" "добра", /что оправдывало бы принцип Непротивления ему силой/; нет, — оно обладает волей, вернее —

- свободой воли, так что единственная возможность ему противостоять заключается в том, подчас, чтобы сразиться с ним не на жизнь, а на смерть, - не нравственно, а физически. Соловьев приводит различные подтверждения своей мысли, из которых самое сильное - напоминание о Голгофе. Мы, - говорит он, - помним молитву обратившегося разбойника и редко вспоминаем второго, на которого не действовал даже Бог, умирающий рядом с ним за его грехи. О том, что граница между добром и злом разделяет подчас людей и целие государства, свидетельствует и то, что все святые-мужчины, кроме монахов, были военными, и то, что, как подсказывает нам нравственное чувство, бывают справедливые войны. Точка зрения Соловьева если не глубже, то, во всяком случае, шире, чем у Толстого. Она оправдывает Историю / которая для Толстого есть ненужная, безнравственная комедия/, возвращая ей христианский, эсхатологический смысл /давший когда-то ей право называться Священной/; позволяет увидеть в ее агентах, вождях и царях народов, невольных "детоводителей ко Христу".

Для Бродского, который в поэзии продолжает байроновскую традицию, несомненно /после Колыма и Освенцима/, что Зло не только внутри, но и вне нас. Но он, в отличие от предшественника, не романтик. Поэтому, нравственная задача начинается для него не там, где есть "место для частной схватки со Злом"; там - всё ясно:

Если дома стоять за свободу нельзя,
То соседей свободу спасайте!

/пер. Т. Гнедич/

Его кумир Оден сражался за свободу Испании, в то время как, скажем, Элиот, при всем своем христианстве недосчитавший свободу, симпатизировал дуче /"свобода хороша, но порядок важнее"/. Для Бродского же свобода - минимальное состояние, с которого начинается вообще всё, - человек, христианство, цивилизация. Счастье он выходит не там, где "места для схватки" нет; когда нет даже минимума свободы, который, все же, необходим, для того, чтобы за нее бороться; т.е. там, где ложь так естественна, что не носит даже личины, где Зло нельзя обличить, потому что оно - беслично, и где, несмотря на это, надо сопротивляться Злу. Ибо Зло не в силе, а в лжи. И ложь к тому же, конкретна.

Когда другой русский нобелевский лауреат писал свое знамен-

нитое обращение, - "Жить не по лжи", - он очевидно рассчитывал на массовое сопротивление Злу. "Будут нас тысячи - и не смогут они ни с кем ничего поделать. Станут десятки тысяч - и мы не узнаем своей страны." Это, по сути, была попытка призвать народ на индийский путь, в основе которого - деление на "они" и "мы", - на общество и чужую ему власть. В эпизоде, который приводит Бродский, удивляет, однако, разительное единодушие, даже некоторая интильность, в отношениях между зеками и охраной. Дружно работают, дружно вместе едят и кажется понимают друг друга; во всяком случае понимают смысл христианской заповеди: "Кто не хочет работать, тот пусь и не ест" /2 Фесс.3:10/, - только Бродский, по-видимому, понимает его иначе. Кстати, он и сидел по этой заповеди-статье, - за тунеядство.

В этой тюремной сцене, если взглянуть на нее беспристрастным советским глазом, все живут душа в душу, и только один выделяется. Понятно же, что соревнование - это шутка, все это понимают, просто - надо выйти и поработать, - как на субботник... В чем здесь, собственно ложь? А главное - перед кем ложь?

Солженицын прав в том, что корень нашего Зла - массовый конформизм "черни", - в старом, пушкинском смысле слова /"и свет всеобщей грамотности светит из недр гниющего повсюду вещества"/; иными словами - "образованщина". Но он не понял того, что нон-конформизм, по определению, не может быть всенародным, массовым, не может быть коллективным. Экзегетический опыт Бродского возвращает к христианству до Константина; от массовой литургии "званных" - к элитарной комуниторности "избранных", к их "протестантской этике".

Вообразим, что на самом деле все участники этой сцены, кроме главного действующего лица, суть крещенные христиане и носят на теле крестики. Может быть, втайне они отправляют куль, образуя одну общину. Все равно, даже в этом случае, слова о "другой цепе" предназначены не для них, ибо тот человек, к которому обращается с проповедью Христос, есть, по меткому наблюдению Рассела, - одного из самых внимательных критиков христианства, - человечек, отчужденный миром, чужак для мира, чудак; угнетенный не англичанами в Индии, а всем миром, - Князем этого мира. В высших моментах веры верующий "не от мира сего"; отсюда-

так раздражавший Рассела индивидуализм христианства, - в ущерб общественным ценностям.

Льюис, английский писатель, чьи книги ценятся и у нас, пишет об этом так: "Если индивидуальная личность живет лишь семьдесят лет, то государства, народы, цивилизации, которые существуют тысячелетиями, гораздо важнее, чем индивидумы. Однако, если истинно христианство, то индивидум не только важнее, но несопоставимо важнее, ибо он остается в вечности, но сравнению с которой государство или цивилизация существует всего одно мгновенье". Главная тема Бродского, во всяком случае - в прозе, - нравственный смысл индивидуализма, в котором он видит стержень христианской цивилизации.

С точки зрения общественной, Христос ведет себя вызывающе, Его поступки необъяснимы. Но если "блажен, кто не соблазнится о Нем", то беден - кто найдет Ему оправдание. Не в том беда, - говорит Аверинцев, - что Христос у Айтматова не совпадает с Евангелиями, - плохо то, что "Он" говорит банальности, в духе времени... Бог не может быть тривиальностью, и поэтому там, где царит клише, нет места для христианства.

"Мы, - утверждает Рассел в своей полемике с христианами, - живем в демократическом обществе и поэтому находим более подходящую мораль в свободных Афинах, а не в despoticном имперском Риме. "Бродский, по сути дела, утверждает иное: Рим - нездешнее, и всегда внутри нас, ибо он, как любая Империя, есть клише, т.е. в лучшем случае - власть народа.

И еще. Заставляя нас обратиться к Кните, он подводит к мысли о том, что kernitессенция христианства, - любовь к врагам, - поистине деятельна и активна, как и сестра ее, любовь к ближнему, - а не молитвенна только /как иногда возникает соблазн думать/; т.е. по-христиански "любить" - это значит в каком-то смысле быть сильнее любимого, будь он враг или близкий. Так, что и страдание - активно.

Вы слышали, что было сказано: "Око за око, и зуб за зуб".
А Я говорю вам: не простишь злому. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую...

Примечание: Если верить "Книге рекордов" Гиннеса, рекорд по

битью пощечин был поставлен в СССР, в Харькове, в 1931-м году, в соревнованиях между Василием Безбородым и неким Гонющем. Матч длился 30 часов, после чего противники сбылись ничью.

卷之三